

30 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 34.01

DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-1

Крусс Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права,
Тверской государственный университет,
170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33,
email: t-prava@yandex.ru

Kruss, Vladimir I.,
PhD of Law, Professor, Head of the Department
of Theory of Law, Tver State University,
33 Zhelyabov Str., Tver,
170100, Russian Federation,
email: t-prava@yandex.ru

Борисов Григорий Дмитриевич,

студент, Тверской государственный
университет,
170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33,
email: gribor2001@bk.ru

Borisov, Grigory D.,

Student, Tver State University,
33 Zhelyabov Str., Tver,
170100, Russian Federation,
email: gribor2001@bk.ru

СМЫСЛЫ И РИСКИ ГЛУБИННОЙ ДИХОТОМИИ КОНСТИТУЦИИ РФ: ПО СТРАНИЦАМ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ О БОГЕ, ЧЕЛОВЕКЕ И КОНСТИТУЦИИ*

MEANINGS AND RISKS OF THE DEEP DICHOTOMY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ON THE PAGES OF A COLLECTIVE MONOGRAPH ON GOD, MAN AND THE CONSTITUTION*

АННОТАЦИЯ. Публикация выполнена в форме научно-полюемического отклика на монографию по проблематике актуального синтеза философско-правового, конституционного и теолого-экзегетического знания. По мнению авторов, такой методологический посыл и содержание представленных в монографии о творческом наследии А. П. Лопухина научных статей достоверно соотносятся с постановкой вопроса о рисках, которые создают амбивалентные положения Конституции РФ о свободе совести и вероисповедания. Обосновывается необходимость научно-юридического содействия снятию этой дихотомии в контексте недвусмысленного утверждения национального духовно-культурного суверенитета.

* Публикация подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

ABSTRACT. The publication is made in the form of a scientific and polemical response to a monograph on the problems of the actual synthesis of philosophical-legal, constitutional and theological-exegetic knowledge. According to the authors, such a methodological message and the content of scientific articles presented in the monograph on the creative heritage of A. P. Lopukhin reliably correlate with the question of the risks posed by ambivalent provisions of the Constitution of the Russian Federation on freedom of conscience and religion. The necessity of scientific and legal assistance to «remove» this dichotomy in the context of the unequivocal assertion of national spiritual and cultural sovereignty is substantiated.

* The publication was prepared with the technical support of the ConsultantPlus Legal Reference System.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «религиозные» новеллы Конституции РФ; библейская философия права; свобода совести и вероисповедания; эпистемология реального конституционализма.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Крусс, В. И. Смыслы и риски глубинной дихотомии Конституции РФ: по страницам коллективной монографии о Боге, человеке и Конституции / В. И. Крусс, Г. Д. Борисов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 9–17. – DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-1.

KEYWORDS: “religious” novels of the Constitution of the Russian Federation; biblical philosophy of law; freedom of conscience and religion; epistemology of real constitutionalism.

FOR CITATION:

Kruss, V. I., Borisov G. D. (2023) Meanings and Risks of the Deep Dichotomy of the Constitution of the Russian Federation: on the Pages of a Collective Monograph on God, Man and the Constitution. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 10(3): 9–17 [in Russian]. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-1.

Отношение российского научно-юридического сообщества к фактической реформе Конституции РФ в 2020 г. [7], а равно и к ее легитимному обоснованию [5] трудно охарактеризовать однозначным и даже сколько-либо определенным образом. В полной мере это касается суждений и оценок о номинальной легитимации в России идеи Бога в единстве ее онтологических и аксиологических аспектов. Как всякое конституционное установление, новелла ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ предопределяет спекулятивно-умозрительные (научные) и практико-ориентирующие юридические конкретизации и следования. При этом проведенная – под знаком понятийного олицетворения источника и символа веры – экспликация конституционного значения религии чревата бескомпромиссными спорами о правомерности и следствиях «содеянного». Показательным, хотя и фрагментарно-факультативным отображением этого обстоятельства стала коллективная монография, посвященная «библейской философии права» и идейному наследию отечественного религиозного философа (библеиста) и ученого-юриста А. П. Лопухина (далее – монография) [2].

Сквозные размышления соавторов данной статьи на полях монографии соотнесены с намеченной ранее *проблемой дихотомической (амбивалентной) легитимации* в ст. 28 Конституции РФ глубинной («экзистенциальной») свободы каждого – как свободы веры или неверия, жизни по императивам совести или в стилистике имморального светского самоопределения личности [7]. В суждениях авторов монографии гипотеза имплицитно прочерченного конституционной поправкой вектора раз-

решения (снятия) обозначенной дихотомии в целом подтверждается. Однако многие вопросы исчерпывающего прояснения не получают, и сопряженные с такой неопределенностью риски не должны оставаться незамеченными учеными-конституционалистами.

Начнем с для нас очевидного. Даже в логике сугубо рациональной конституционное положение о воспринятой от предков и хранимой народом России вере в Бога не означает какого-либо отступления от светского статуса Российского государства (ст. 14 Конституции РФ) как правового и социального. Инновация, воплощающая синтетическую целостность религиозной веры с легитимированной в преамбуле Конституции РФ общенародной верой в добро и справедливость, *по-прежнему* (до и после 2020 г.) исключает возможность требования от кого-либо наличия религиозных убеждений (а равно и любой интенции конфессиональных приоритетов) как несовместимого с конституционным принципом равноправия (ч. 1, 2 ст. 19). Не исчерпывает примат религиозного начала и учет при осуществлении государственной политики исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла и продолжает играть в становлении и развитии российской государственности, – безотносительно к последующей предметно-фокусной актуализации Конституционным Судом РФ сформулированного им вывода [15].

Можно указать и на примеры соответствия правовым позициям Суда доктринальных подходов ученых-юристов, использующих теологическую артикуляцию в качестве фундамирующего актуальность и научную значимость

факта [1] либо методологических детерминант своих исследований [17]. Нельзя наряду с этим отрицать целесообразность продолжения академической дискуссии по обозначенной проблеме. Другое дело, что с позиций конституционного правопонимания [8, с. 31–33] такая дискуссия априори не вмещается в узкоюридический формат и одновременно может претендовать на правовое значение исключительно в рамках философии конституционализма. Не случайно коллектив монографии *объединяет* представителей юридической мысли, философии, истории и теологии – и именно вследствие реализации ими стремления соотносить свои высказывания с текстом Конституции РФ.

Сегодня религиозно-философская составляющая (в части ортодоксальной религиозности) должна стать смыслообразующим компонентом (лейтмотивом) российского конституционно-правового дискурса. Любые доктринальные либо начетнические недомолвки, замалчивания, проявления скепсиса в этом отношении следует воспринимать как признаки аналитической и эвристической неполноты *научных* публично-притязательных суждений по вопросам права и правовой политики. Многим, не сомневаемся, такой вывод покажется чрезмерным и неосновательно требовательным. Однако он вытекает из убеждения авторов в решающем значении *духовного* суверенитета России на современном этапе ее исторического пути. Чем обусловлено и наше позитивное отношение к монографии в целом, и размышления о причинах и следствиях наличия в ней проявлений существенно иного отношения к проблеме, причем в суждениях по конституционно значимым богословским и/или теологическим вопросам.

Религиозно-философское измерение российского конституционализма в монографии намечают два предисловия. Автор первого предисловия П. Д. Баренбойм прямо соотносит актуальность издания с перманентным процессом конституционно-символьной генерации божественного начала. В ментальном плане упоминание Бога в тексте Конституции РФ увязывается им с экзегетической посылкой А. П. Лопухина о государственно-правом значении содержащихся в Библии «высших начал», легальные отображения и научные комментарии к которым приобретают статус

особых средств дискурсивного обоснования национально-конституционного должного, расширяя экспликацию и горизонт конституционно-правовых смыслов [2, с. 7–10].

Второе предисловие принадлежит перу А. И. Овчинникова. Характеризуя состояние современной – постсоветской – отечественной правовой мысли, автор прибегает к аналогии ветхозаветного странствия израильтян по пустыне, сопряженного с тщетой сорокалетнего поиска «долгожданного острова спасения», «стратегической цели, идеала, идеи государства», «вектора правовой политики», «ради которых стоит жить и умереть». В таком контексте доктринальное и практическое значение монографии переносится в сферу конституционной аксиологии и телеологии. По мысли автора, будучи фундированным общностью религиозно-нравственного основания последователей трех авраамических религий в многоконфессиональной России, факт присвоения понятию Бога значения конституционно-правовой категории предполагает и возможность доктринального синтеза философии конституционализма (и гуманитарного отдела современной науки в целом) с дореволюционной экзегетической научной школой. Прогнозируемый итог – преодоление национальным сознанием философско-правового вакуума [2, с. 11–12].

Приходится признать: мы *не можем* положиться на эмпирическую базу, питающую оптимизм представления о том, что в Западном мире «на индивидуальном уровне религиозные ценности продолжают определять поведение и быт человека». Общедоступная информация побуждает говорить не о «спаде духовности», но ее *стремительном* угасании. Официальную апологетику и индифферентное признание «маскультурной инновации» трансгуманизма нельзя диагностировать иначе как духовное вырождение потребителей. Лишь отчасти готовы мы согласиться также и с тем, что в России Библия (Пятикнижие Моисея) оказывает заметное влияние на правовую культуру и «является важнейшим источником правовых... взглядов, идей, ценностей и норм». Популярные оговорки об «особенностях религиозности» тех, кто откровенно не связывает свой образ жизни с требованиями православия [2, с. 12, 78–79], видятся критично несостоятельными даже с позиций научной социологии.

Общественно-политические реалии первой четверти XXI в. мало располагают к *идеализации* вектора на приобщение российской юридической науки к экзегетической герменевтике текстов Пятикнижия и результатов этого подхода в дореволюционной богословской науке. Поскольку в том числе «современная» юридическая наука остается не готовой к тем ограничениям, которые имманентны полноте и религиозного, и конституционного начала. С конкретизацией таких ограничений последовательно соотносится конституционная теория права. Однако далеко не все концепции расположены к ее установкам и стратегии конституционализации. В этом отношении выделяются две статьи правоведа и византолога А. М. Величко [3; 4], открывающие первый раздел монографии. Тревожное впечатление производят эти работы, и вот почему.

Достаточно распространенную в юридической литературе критику (в том числе неллицеприятную) Конституции РФ трудно признать оригинальным научным подходом. В общеметодологическом плане это заурядный доктринальный позитивизм, не чуждый и исследованиям конституционно-правовой направленности. Безотносительно к отраслевой специализации ученые-юристы ищут изъяны («ошибки и пробелы») в тексте Конституции РФ с позиций глубины собственного, доктринально окрашенного погружения в интересующие их, и – потому – «особо значимые» проблемы. Напоминать таким авторам про отсутствие *юридической* точки опоры, позволяющей опровергнуть конституционную истину по какому-либо конституционно значимому вопросу, – занятие неблагодарное. *Адогматичный настрой* конституционного правопонимания не опровергается, но *отвергается* как методологический порок. К тому же далеко не все намеренные улучшить Конституцию РФ исследователи высказывают предложения неконституционные, тем более – антиконституционные. В то время как суждения А. М. Величко отмечены предельным дискурсивным приближением ко второй позиции, причем в решающей связи с двусмысленно-ретушированным отношением к святоотеческой православной традиции.

По нашему убеждению, обе названные статьи имплицитно связаны с дихотомической коллизией, хотя номинально в них о ст. 28

Конституции РФ не упоминается. Напомним: речь идет об установлении, в котором *неразрывно* спаяны смыслы не юридические только, но – прежде всего и решающим образом – религиозные и всечеловеческие. Судить о таком *ученый*, как и каждый индивид, может только пристрастным образом, *не «от себя»* (разобравшись и/или определившись с верифицируемой истиной), но опираясь на догму, которая безоговорочно «выше его» и в которую он верит. И повторим: после 2020 г. деятельный (научный в том числе) конституционализм в России возможен только как проявление веры в Конституцию РФ человека, *верующего* в Бога. Причем в такого Бога, который дарует возможность единого общего блага каждому верующему в Него. В синтетической композиции такой веры конституционные приоритеты патриотизма и национального суверенитета никогда не войдут в противоречие с потребностями религиозного чувства. Что между тем и находим в статье «Светская Конституция» и народ без имени» [4].

Титульный симбиоз авторских коннотаций раскрывается в интерпретации текста (и генеалогии) Конституции РФ под знаком далеко не однозначного восприятия сути национально-духовной традиции России. Именная (личностная) религиозная интенция берется здесь в качестве посылки большей, как воплощающей должное; конституционный текст – в значении посылки меньшей. При этом узкоюридическую интерпретацию принципа светского государства, а также сущности самой Конституции РФ и ее оценку предопределяет абсолютизация *декларируемой* приверженности автора православию. Всего одной категории (формулировки) – «многонациональный народ Российской Федерации» – оказывается ему достаточно для враждебного общего отношения к конституционному тексту. Поскольку, *по убеждению* автора, разработчики Конституции РФ «безосновательно и ложно отождествили два разных принципа»: формальный принцип равенства (равнозначности) всех религий перед законом и содержательно-качественный «принцип равноценности религиозных культов». Верить в «безосновательное и ложное», разумеется, нельзя. Нетерпима и «показная «нейтральность» к своему прошлому (и национальному, и духовному)». Проблема «лишь» в том, чем

подкрепляются уничижительные оценки и *собственное* мнение ученого, во-первых, об «этапонах» конституционализма, во-вторых, о тех «конкретных» нравственных принципах и той подлинной религиозной традиции, которых Конституция РФ – по его приговору – «не знает» и обеспечить не может, будучи «Конституцией “вообще” теоретического государства» [4, с. 14, 17].

Предлагаемые А. М. Величко ответы, на наш взгляд, крайне важны для понимания того, какие «рационально-духовные барьеры» и «соблазны» предстоит преодолеть отечественной науке права, искренне намеренной содействовать делу конституционного преобразования страны. В первом отношении в качестве образца для подражания выведен едва ли не весь паноптикум недружественных России и враждебных христианству государств коллективного Запада как – вопреки «объективным обстоятельствам» – сохраняющих «национальное лицо» и глубоко приверженных своим религиозным традициям. И это – только показательная прелюдия к развернутому объяснению причин вмененного России автором «забвения Бога и исторического опыта своего народа». Для этого «православному» ученому-юристу потребовался пространный нарратив, озаглавленный «Анти-Рим» [3].

Казалось бы, может ли представлять угрозу для актуализации российского конституционализма очередное доктринальное прочтение концепции Третьего Рима? Даже созвучное инверсиям западных апологетов, положивших своей задачей заявить, что «Россия в Средние века представляла собой черную дыру, до которой не доходили лучи западного Просвещения, и ее не коснулись гуманистические идеи европейского Ренессанса» [6, с. 32–33]? К сожалению, может, поскольку будущее России – в перспективе правовой генерации национального государства – мыслится через *квазиконституционное* отрицание ее прошлого. В такой деконструкции отечественной истории изначально нездоровое национальное сознание соединилось с пороками формальной христианизации, что и предопределило становление квазиримского, точнее – квазивизантийского типа российской государственности.

Понятно: это никак не «камеральные» размышления об историко-правовом значении

мыслей Филофея о провиденциальной миссии Третьего Рима. Стиль, интонация, композиция скрытого радикального оппонирования всемерно призывают о-пределять и называть фундирующие их смыслы и ценности. И *добро-совестному* читателю придется *поверить*, что ученый-юрист, берущий на себя смелость решать, «насколько мысли и оценки старца» соответствовали обстоятельствам и духу его времени, а следовательно – в какой мере они могут претендовать на актуальность, – действительно знает нечто, онтологически предопределяющее научную *истину* и едва ли не подобное откровению. Однако *альтернативой* «библейской философии» может быть только философствование контррелигиозное, спекулятивно и лукаво готовое оперировать и цитатами Святого Писания, побуждая признать, что зерна, посеянные Филофеем в почву русской духовности, *не были* «добрыми» [3, с. 22–23].

«Обличающих» зерен в четках статьи А. М. Величко немало. *Вектор* кропотливо подобранных исторических фактов, рациональная логика и деонтологически окрашенные эмоции автора влекут свободного от религиозных догматов читателя к признанию решающей связи всех – вплоть до революционных катастроф – социально-политических нестроений в «не сумевшей воспитать личность» России с концепцией, признанной православной церковью «величественной теорией» [10] и имманентной частью богословской историософии. Притом что, как показал дореволюционный историк И. Кириллов, идеи Филофея вплоть до середины XIX в. государственной властью и политическими элитами Российской империи были преданы *забвению* [9].

Можно ли упрекнуть в издержках методологии того, кто назначил *себя* вправе определять, Добро или Зло воплощает дошедшее до нас сквозь века духовное наставление Филофея о Царстве Божиим и мессианском призвании Руси после окончательного *падения* царства земного (Византии), «предавшего православную греческую веру в католичество» [14, с. 295] посредством Флорентийской унии? Убедят ли философствующего ученого доводы, что ответы на вопросы политические из этого текста могут быть *выведены*, и даже могут оказаться различными, но глубинной сути послания – не затрагивают? По нашему убеждению, нет.

В эпоху постправды и симулякров на Святое Писание может ссылаться и тот, кто ориентируется на указатели «правильной стороны истории» и для кого смыслы ограничены горизонтами идеологическими. Тогда как православный, даже будучи юристом, и сегодня не может, не вправе забыть, кто был и остается основным оппонентом Христа, искушая своих учеников приоритетом земных благ и политического могущества; с чьих слов в конечном счете гнали и клеветали Спасителя книжники и фарисеи при равнодушном соучастии власти и закона; и кто неизбежно оказывается единомышленником, когда в причастности Злу – мимоходом – обвиняют «учительного старца» православия.

Светский гуманизм и политологический дискурс – плохие советчики в «христианском понимании личности, основой которой является ее богоподобие». Зато они – по праву и охотно – редактируют *научное* представление по этой судьбоносной проблеме. Потому и для исследователя, убежденного, что внешне-обрядовая религиозность Руси «никаких нравственных обязанностей на христиан не налагала», святоотеческое учение о личности и христианская антропология останутся сугубо отсылочными и «ритуальными» метками суждений об обществе и идеале «нравственном, тем паче – христианском» [3, с. 24–27]. В свою очередь, каждому, чья душа – «христианка», ни к чему рационально-логические доводы в пользу того, что ученого, сосредоточенного на поиске «ядовитых лакун» в российском «религиозном и общественном быте», опороченном «грубостью нравов и половой распущенностью», на изобличении пороков политического строя, «украшением» которого – от образования Московского государства до реформ Петра – оставалось «попрание человеческого достоинства» людей, зараженных «московским мракобесием» и «в душе язычников», не знающих понятия «общего блага» [3, с. 28–29, 37], – такого ученого следует оставить с миром. С ним *не можно* размышлять о сути теории «Москва – Третий Рим» и феномене русской души и цивилизации («Русского мира»). По слову Достоевского: «не верьте ему, он не русский». И потому отстранение ваше можно будет рассматривать как противодействие злоупотреблениям конституционной свободой слова и совести. Ведь именно

этого требует от всех Конституция РФ, которая *не запрещает не любить Россию* тем, кто наследует традиции «безрелигиозных государственных отщепенцев» (П. Б. Струве), – гордо называвших себя интеллигенцией, подготавливая крушение Империи и собственную гибель.

Вместе с тем нельзя предположить, что столь научно-образованный автор многотомного, снискавшего ему признание и награды на Западе труда по истории византийских императоров не читал великие романы Достоевского. В которых имманентная, предвосхищающая актуальное «отрицание» ненависть «русских» либералов и европейцев к России, к ее истории, обычаям, «всему» – показана на уровне художественной («иррациональной») правды. Стало быть, статьи для монографии написаны им сознательно, *с направлением*, выходящим за рамки академической научной заинтересованности. Из чего и нам приходится заключить, вопреки сказанному, что онтологически бесполезный (бесмысленный) диалог все-таки объективно неизбежен. Чем единственно мы и руководствуемся, прекрасно понимая, что, скорее всего, останемся без ответа.

Отрадно, что конституционная дихотомия, о которой идет речь, может быть разрешена (снята) и уже разрешается качественно иным образом. В том числе при содействии конституционной науки права, представленной и в монографии. Неявное оппонирование в монографии доводам А. М. Величко усматриваем мы, в частности, в двух статьях А. И. Овчинникова [11; 12].

Обоснование «религиозной поправки» в первой статье предваряет критическая декрипция основных характеристик постсекулярного общества, в котором язык заповедей и духовно-нравственных принципов уравнивается профанному языку светской морали. Справедливая констатация подкрепляется концептуальной парафразой представления, не единожды, впрочем, выраженного в литературе, о Конституции РФ как своеобразном аналоге Священного Писания. И уже предельно метафизичным оказывается следующее положение о *духовной легитимации* конституционного текста посредством божественного благословения. Именно такой формат соотношения Бога и Конституции РФ предоставляет *предельные* основания для утверждения в России националь-

ной государственности, с учетом необходимого разграничения и нераздельности институционально-властной и народной (гражданско-общественной) сфер. Тем более что движение в этом направлении будет «восстановлением исторической справедливости» и живительным возрождением, поскольку – кто бы и как ни пытался опровергнуть правду – отечественная государственность зародилась благодаря крещению Руси святым князем Владимиром и «строилась традиционно вокруг идеи симфонии властей, единства светской и духовной власти, духовно-нравственных и правовых ценностей» [11, с. 74].

Российское государство (*светское!*), отдельно подчеркивает А. И. Овчинников, в долгу перед верующими в Бога, а также православной Церковью, которая «просвещала и обогащала Русь нравственными ценностями, сформировала русскую культуру, благословляла на борьбу с захватчиками». Фактические предпосылки этого «долга» известны: жесточайшие, идеологические в своей основе гонения и репрессии советского периода. Однако перевести покаянно-нравственное долженствование в юридический контекст можно только с позиций теории конституционной ответственности государства и его исторически длящихся всеобъемлющих конституционных отношений с народом. В связи с этим научный интерес вызывает предлагаемая А. И. Овчинниковым во второй статье теологически и провиденциально дополненная критика представлений о монополии государства на насилие. Ученый расширяет традиционный каталог признаков государства за счет ресурсов христианской антропологии и утверждает в качестве основной политической цели приведение членов общегития в духовно-нравственное единство – Церковь. Как следствие, не только недопущение зла и применение насилия становятся факультативными признаками государства, но и генетические западные формы демократии и парламентаризма теряют возможность претендовать на сакральное значение ввиду их сугубо рационалистической генеалогии [12, с. 91–92].

С исследованиями А. И. Овчинникова в монографии связана еще одна, на этот раз коллективная статья историко-философской направленности [13]. В ней наиболее любопытными видятся нам суждения о показанной

А. П. Лопухиным связи теократического формата государственно-правовой организации древнееврейского общества с высоким уровнем фактического обеспечения правового статуса и достоинства личности. Авторы признают актуальность этого – библейски заданного – концепта в качестве методологического коррелята поиска альтернативы либеральным версиям государственности и конституционной аксиологии.

В дискурсе интересующей нас проблематики нужно отметить еще оригинальную и глубокую публикацию А. В. Трухана [16]. Здесь в фокус философско-правового анализа поставлены феномен и дуалистическая топология идеократического сознания, подразумевающего комплементарное соотношение идеалов личности и государства. Оперирование такими маркерами позволяет говорить о социальном прогрессе *исключительно* при его направленности на совершенствование человека как историко-социального *богочеловеческого* субъекта; а значит, и о регрессе – при любых проявлениях обратного. В юридико-техническом плане заслуживает упоминания и дискурсивно корректное указание на методологическую ущербность формально-правовых конструкций как средства защиты высших идеалов. В полной мере, полагаем, это справедливо и для оценки существующего механизма правовой защиты свободы вероисповедания и обоснований его конституционной модернизации. Принцип формально-логического конституирования квалифицирующего юридического суждения органически чужд интенции семантического наполнения, а значит, и «равнодушен» по отношению к наиболее конституционно значимым – духовным – целям индивидуально-общественной жизни.

Завершая, мы хотели бы коротко вернуться к основной цели нашей работы и объяснению принципиально критического настроения отдельных высказываний и оценок. Амбивалентная конституционная дихотомия ст. 28 Конституции РФ в ближайшей перспективе конституционного преобразования России потребует, по нашему убеждению, примирительно-утверждающего разрешения. В связи с этим мы неизбежно придем и к необходимости снятия горделивой самооценности научно-юридического дискурса как аподиктически поставляющего

себя условия достижения всякого юридически значимого результата.

Уважаемый А. М. Величко не чужд *научно-рациональной* философии права, фундирующей его выводы по вопросам, глубоко нам небезразличным. Но, повторим, *продуктивная* дискуссия здесь невозможна. И дело не в том, найдем мы или нет контрдоводы – исторические и логические – по каждому из предложенных аргументов. *Напрасно* спорить с тем, кто о значении христианства для России судит «по Чаадаеву», а не по Пушкину. Кто находит воплощение «деятельной религии» и «идеала общественной правды» на католическом и протестантском Западе, а болезни религиозных ересей – против которых проповедь Филофея, – увязывает не с изоэстренной стратегией папского «крестового похода» против Руси, а с генетическим невежеством и необразованностью русского народа и «отсутствием интеллекта» у окормляющих его священнослужителей [3, с. 25–29].

Конституционная теория и философия права обновленной России предполагает синтетическое обогащение, эйдетическое слияние с достижениями догматического богословия и ортодоксальной антропологии. Однако сопряженная с этим вектором научная работа по адаптации и импликации в материю права и юридическую практику сущностно-неформальных смыслов, интуиций и категорий чревата рисками не только редукции, продиктованной приверженностью позитивизму или аналитической схоластике, но и осознанного продвижения концептов, чужеродных и враждебных российской национально-культурной традиции. Недопустимо попустительствовать подобным технологиям. (Бесполезно дискутировать, нельзя молчать.) Иначе сопряженный с обозначенными задачами поиск исторической правды превратится в суд над историей Отечества, подобный суду над Спасителем, где эсхатологически было явлено несовершенство двух юридических традиций, относительно современных правовых систем имеющих статус праотеческих, – иудейской и римской. Не исключено, что вскоре только российская конституционная наука права сохранит способность и осознавать пагубную глубину этого несовершенства, и открыто стремиться к его преодолению.

Список использованных источников

1. *Афанасьев С. Д.* Современная российская модель государственно-конфессиональных отношений: конституционно-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 31 с.
2. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852–1904) / под ред. А. И. Овчинникова. М.: Проспект, 2020. 272 с.
3. *Величко А. М.* Анти-Рим // Бог. Человек. Конституция... С. 19–54.
4. *Величко А. М.* «Светская Конституция» и народ без имени // Бог. Человек. Конституция... С. 13–18.
5. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/
6. *Золотухина Н. М.* Политико-правовая мысль России XVI в.: И. С. Пересветов: государственно-правовая доктрина. М.: Юрлитинформ, 2020. 512 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. *Кресс В. И.* Конституционализация права: основы теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 240 с.
9. «Москва – Третий Рим»: история спекуляции. URL: <https://arzamas.academy/materials/324>
10. *Муравьев Н. И.* Пятисотлетний юбилей автокефалии Святой Русской Православной Церкви. URL: <https://dishpravoslavie.ru/doklad-n-i-muraveva-pyatisotletnij-yubilej-avtokefalii-svyatoj-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/>
11. *Овчинников А. И.* Бог и Конституция в постсекулярном мире // Бог. Человек. Конституция... С. 68–82.
12. *Овчинников А. И.* Светское государство с точки зрения христианской философии права // Бог. Человек. Конституция... С. 83–92.
13. *Овчинников А. И., Казачанская Е. А., Фоминская М. Д.* Равенство и достоинство человека в праве Ветхого Завета: теократический подход А. П. Лопухина // Бог. Человек. Конституция... С. 172–193.
14. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века / под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. С. 290–305.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_306878/
16. *Трухан А. В.* Теократическое государство Моисея: феномен идеократического сознания в библейской историософии А. П. Лопухина // Бог. Человек. Конституция... С. 228–249.
17. *Фоминская М. Д.* Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 53 с.

References

1. *Afanasiev S. D.* Modern Russian model of state-confessional relations: constitutional and legal foundations: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2020. 31 p. [in Russian].
2. God. Human. Constitution. Biblical philosophy of law in the scientific heritage of A. P. Lopukhin (1852–1904) / Ed. by A. I. Ovchinnikov. Moscow: Prospekt, 2020. 272 p. [in Russian].
3. *Velichko A. M.* Anti-Rome // God. Human. Constitution... P. 19–54 [in Russian].
4. *Velichko A. M.* “Secular Constitution” and the people without a name / God. Human. Constitution... P. 13–18 [in Russian].
5. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-Z. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ [in Russian].
6. *Zolotukhina N. M.* Political and legal thought of Russia in the 16th century: I. S. Peresvetov: state legal doctrine. Moscow: Yurlitinform, 2020. 512 p. [in Russian].
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [in Russian].
8. *Kruss V. I.* Constitutionalization of law: fundamentals of theory. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. 240 p. [in Russian].
9. “Moscow – the Third Rome”: a history of speculation. Available at: <https://arzamas.academy/materials/324> [in Russian].
10. *Muravyov N. I.* Five hundredth anniversary of the autocephaly of the Holy Russian Orthodox Church. Available at: <https://dishupravoslaviem.ru/doklad-n-i-muravyova-pyatisotletnij-yubilej-avtokefalii-svyatoj-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> [in Russian].
11. *Ovchinnikov A. I.* God and the Constitution in the post-secular world // God. Human. Constitution... P. 68–82 [in Russian].
12. *Ovchinnikov A. I.* The secular state from the point of view of Christian philosophy of law // God. Human. Constitution... P. 83–92 [in Russian].
13. *Ovchinnikov A. I., Kazachanskaya E. A., Fominskaya M. D.* Equality and human dignity in the law of the Old Testament: the theocratic approach of A. P. Lopukhin // God. Human. Constitution... P. 172–193 [in Russian].
14. Messages of Elder Philotheus // Library of Literature of Ancient Rus’: in 20 vols. Vol. 9: The end of the 15th – the first half of the 16th century / Ed. by D. S. Likhachev [et al.]. St. Petersburg: Nauka, 1997. P. 290–305 [in Russian].
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 17, 2020 No. 47-P. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_306878/ [in Russian].
16. *Trukhan A. V.* The theocratic state of Moses: the phenomenon of ideocratic consciousness in the biblical historiography of A. P. Lopukhin // God. Human. Constitution... P. 228–249 [in Russian].
17. *Fominskaya M. D.* The idea of personal dignity and human rights in Christian legal thought: synopsis of a thesis for the degree of Doctor in Law. Nizhny Novgorod, 2021. 53 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 15.07.2023

Received July 15, 2023